

Вырезка из газеты

ТРУД

17 ИЮН 1984

г. Москва

ИГРАЛА Бабу-Ягу в самодельности. И вдруг — Жанна д'Арк в настоящем фильме. Все изменилось: среда, люди, жаргон, манеры. Изменилась и она. Неузнаваемо. Угловато хихикающая девчонка стала народной героиней, явственно слышащей призыв судьбы к великому делу, которое только ей одной на свете под силу. Изменение было абсолютным. Девчонка не играла Жанну, не умела она играть, она действительно в Жанну превращалась.

В фильме «Начало» (реж. Г. Панфилов), сделавшем имя Инны Чуриковой широко популярным, актриса сыграла в сущности две роли — совершенно разные. И в то же время слитые в одну. Сыграла так убедительно, что стало ясно: в искусство пришла интереснейшая актерская личность. И, конечно, не случайно начала она именно с «Начала» с его темой выявления человеческого содержания, открытия в человеке того, о чем и сам он порой не подозревает. Дальнейшие работы Чуриковой показывают, что именно такой подход к герою служит для актрисы ключом, позволяющим распечатывать неведомыеклады, талящиеся в ролях, причем в таких, где на открытия вроде бы трудно рассчитывать, в том числе и многожды сыгранных, освоенных традициями, признанными классическими.

Например, Васса Железнова. Спектакль Малого театра по бессмертной пьесе М. Горького прочно запечатлел в нашем сознании образ главной героини, созданный Верой Пашенной. Крупная, властная, грозная — железная фигура, заправляющая большим «делом», типичное порождение хищнического русского капитализма, Васса Пашенной стала образом хрестоматийным (в лучшем смысле этого слова) настолько, что кака-либо иная его трактовка казалась вроде бы невозможной. И вот фильм «Васса», поставленный Глебом Панфиловым. Уже первое появление Чуриковой, исполняющей главную роль, озадачивает.

Вышедшая на берег Волги взглянуть, как горит ее пароход, хозяйка «дела» выглядит несколько смешной, нескладной какой-то. И шуба-то роскошная ей великовата, и ходит как-то неловко, словно на пятаках. Так же неловко, как скрипучий лифт в ее доме, приводимый в движение лебедкой, ручку которой вращает тщательно скрытый ребенок, — прекрасный образ торпливой урбанизации начала века. Ироническая интонация, сопутствующая роли в первых кадрах фильма, подчеркивает отталкивание от традиции. Но в то же время поразительно точно соответствует самому духу горьковской пьесы, показывающей не только зверскую сущность этой действительности, но и ее неподлинность, ее «картонность». Чурикова играет хозяйку, но какую-то ненастоящую, словно по недоразумению вошедшую в эту должность. Неожиданно! А между тем такой подход вполне логичен. Васса-то, вспомним, встала во главе «дела» после того, как муж-гуляка едва не спустил его в одночасье в карты. Вассе хозяйкой стать пришлось. Как в «Начале» героиня обряджалась в костюм Жанны д'Арк и превращалась в нее, так и Васса натянула на се-

бя лик хозяйки по воле жестоких обстоятельств, да и срослась с ним, не сняв теперь, жизнь не дает. Та самая жизнь, «свинцовые мерзости» которой и показал в пьесе драматург. Одна из этих мерзостей — гибель Вассы, живая душа которой задохнулась, заключенная в железную личину «хозяйки». Освобождение от этой личины дает ей лишь смерть, разрывающая оковы бесчеловечной жизни. В лице умершей Вассы застыло выражение какой-то светлой нездешней радости, оттененное разыгрывающейся вокруг сварой хищников, схватившихся

из-за наследства. В этой-то просветленности — истинный облик Вассы, помраченный прежде всем строем жизни.

Ново? Да. Соответствует Горькому? Бесспорно. Соответствует самому духу горьковского творчества, отразившего сложную диалектику жизни, не сводимую к расстановке одноцветных фигур на доске сюжета. Поразительный эффект Инны Чуриковой в том и заключается, что ей удается делать бесспорными совершенно оригинальные трактовки традиционных образов.

Еще одно убедительнейшее тому подтверждение — роль Комиссара в спектакле Московского театра имени Ленинского комсомола, поставленном Марком Захаровым по пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия».

Сколько раз она ставилась в наших театрах! Сколько превосходных актрис, облаченных в кожаные тужурки, поднимались на палубу революционного крейсера «Заря», чтобы прожить на сцене эту короткую, яркую, зажигательную жизнь! И вдруг: длинное светлое платье, широкополая дамская шляпа с каки-то наивными цветочками. С обширным чемоданом и даже с картонкой — наверное, для той самой шляпы. Вроде бы робкая, не умеющая вроде бы и повернуться тут среди анархистствующих «братишек». Что-то вроде выпускницы института благородных девиц. Такое нарочитое несоответствие традиционному облику Комиссара поначалу шокирует.

Но позвольте. Не так ли именно и восприняли поначалу появление Комиссара матросы крейсера, опыненные проповедями Вожака? Тогда понятны становятся их поползновения «отведать комиссарского тела». И благоволение Вожака, рассчитывающего, что с таким-то комиссаром легче совладать, чем с тем, кого могут прислать взамен. Да ведь недаром же Вишневский сделал своего Комиссара женщиной. Ведь схватку большевистской правды и анар-

хической фразы можно было бы сыграть и без этого. Но тогда пьеса лишилась бы главного — того, что победа большевистской правды происходит не ударом мозолистого кулака, а силой самой этой правды, проводником которой выступает здесь женщина — со всеми ее слабостями. Неожиданно? Да. По Вишневскому? Конечно. И вновь необычайно убедительно.

Не говоря уж о том, что такая трактовка открывает перед актрисой пространство для развития образа. На наших глазах совершается не только перерождение анархистской команды в

ЗНАКОМЫЕ
ИМЕНА

Инна Чурикова

дисциплинированный большевистский отряд, но и превращение теряющейся и едва ли не слезливой дамочки в уверенного в себе, сильного словом и делом красного комиссара. Разворачивается подлинная драма, вырастающая в трагедию к финалу, решенному как величественный мемориал памяти борцам революции.

При том, что Инна Чурикова много играет в театре и снимается, ее никак не упрекнешь в актерской всеядности — болезнь распространенная и опасная не только для творческой индивидуальности самого артиста, но и для искусства вообще — не в подобной ли всеядности (лишь бы «мелькнуть») одна из причин обилия серых фильмов? В каждой работе Чуриковой ощущаешь, что работа эта ручная, в которую актриса вложила всю меру отпущенного ей таланта, мастерства, чувства личной ответственности за дело своей жизни. Точно сделать выбор — для этого тоже немалый нужен талант.

Что, например, сулил ей сценарий фильма «Военно-полевой роман», поставленного Петром Тодоровским? Вполне вроде бы заурядная учительница, обреченная терпеть романтическую увлеченность мужа другой женщиной, во многих отношениях эффектнее ее. Что играть? — ну, обиду, затененное страдание, достоинство неоцененного чувства. Чурикова увидела здесь большее. Нашла в простой по видимости роли ноты сложные, контрастные, на которых ей и интересно строить свою мелодию образа. И в картине появился не просто живой персонаж, но интереснейший тип человека — необычайной нравственной чистоты, подлинной интеллигентности, духовной силы.

Ремесленничество чуждо ей совершенно. Ей надо, чтобы каждая роль была творческим событием. Каждая. И в этом, может быть, — главный секрет эффекта Инны Чуриковой.

В. ВИШНЯКОВ.

Фото Н. ГНИСЮКА.